

К моменту прибытия Ле Цзявэнь Фан Синиан уже не находился в состоянии противостояния с административными стажерами.

Административные стажеры ошеломленно наблюдали, как Фан Синиан поднял с земли горсть грязи, размазал ее по лицу и одежде, а затем сел у стены, обняв себя, выглядя как полная жертва.

После долгого неловкого молчания они наконец смогли вымолвить: «Ты бесстыдник».

И в этот момент Ле Цзявэнь случайно услышал их разговор.

Ле Цзявэнь без церемоний схватил одного из стажеров-администраторов за воротник и резко спросил: «Кого ты оскорбляешь?»

Стажер оказался тем, кого ранее ударил Фан Синиан. Не боясь Ле Цзявэнь, он повернул голову и выплюнул полный рот кровавой слюны. «Ле Цзявэнь, открой глаза и посмотри, кто на самом деле жертва, ладно?»

Ле Цзявэнь не смотрел и не слушал, упорно защищая Фан Синиана. «Его запугали до такой степени, что он ушел. Очевидно, что вы — виновники. Что еще я должен видеть?»

Стажер-администратор подумал: ?

Не мог бы ты хотя бы взглянуть на кровь, которую я только что выплюнул?

Другой стажер-администратор вступил в разговор: «Ле Цзявэнь, ты не можешь просто игнорировать факты. Мы все видели — Фан Синиан ударил первым».

Ле Цзявэнь отпустил его за воротник и сказал: «Вы все в сговоре — думаете, я этого не вижу? Если вы действительно чувствуете себя обиженными, давайте пойдём к офицеру учебного лагеря и разберемся в этом?»

Стажеры-администраторы переглянулись. Некоторые покачали головой, считая, что они начали конфликт и находятся в невыгодном положении. Другие кивнули, уверенные, что, поскольку они не оставили никаких следов на Фане Синиане, а он заставил одного из них плюнуть кровью, офицер учебного лагеря обязательно встанет на их сторону.

Ле Цзявэнь надоели их внутренние разборки. Он подошел к Фану Синиану и спросил: «Ты уже был загнан ими в угол, когда ответил на мое сообщение?»

Фан Синиан слабо кивнул.

Ле Цзявэнь почувствовал, как его сердце смягчилось. Иначе он бы вспомнил о строгом правиле лагеря, запрещающем драки, и пошел бы избить каждого из них, чтобы выплеснуть свой гнев за Фан Синиана.

Он спросил: «Тогда почему ты не сказал мне об этом в тот момент?»

Фан Синиан опустил взгляд. «Я думал, что смогу справиться сам».

Ле Цзявэнь смахнул грязь с лица Фан Синиана и нежно сказал: «С этого момента, когда у тебя будут проблемы, звони мне. Не пытайся всегда решать все сам. Альфы должны защищать своих омег. Какой же я альфа, если позволяю своей омеге сталкиваться с опасностью в одиночку?»

«Какой О...»

Стажер-администратор был озадачен тем, почему Ле Цзявэнь назвал Фан Синиана Омегой. После столь долгого обучения вместе с Фан Синианом, даже если Фан Синиан и не заявлял прямо, что он Альфа, по случайным следам его феромонов можно было понять, что он явно Альфа.

Но, прежде чем он успел выразить свое недоумение, тяжелый взгляд Фан Синиана заставил его замолчать на полуслове.

Какой бесстыдный красавчик! Готов подделывать свой вторичный пол, только чтобы прилипнуть к Ле Цзявэнь!

Стажер по административной работе молча кипел от злости.

«Итак, каково решение?» — прервал их Ле Цзявэнь, вставая, чтобы обратиться к ним.

Большинство стажеров-администраторов были достаточно умны, чтобы понять, что обострение ситуации с Ле Цзявэнь и Фан Синианом не пойдет им на пользу. Даже тех немногих, кто хотел бросить вызов Ле Цзявэнь и донести дело до офицера учебного лагеря, остальные отговорили. Поэтому все они покачали головой. «Это просто небольшое недоразумение с Фан Синианом. Нет смысла беспокоить офицера учебного лагеря».

«Труссы», — презрительно фыркнул Ле Цзявэнь. Он не стал давить дальше, махнул им рукой, а затем повернулся к Фан Синиану и протянул ему руку. «Хорошо, они ушли. Можешь прекратить притворяться».

Фан Синиан взял его за руку и встал. «Ты меня раскусил. Почему не выдал меня?»

Ле Цзявэнь щелкнул его по лбу. «Какая мне польза от того, что я тебя разоблачу? Они — соучастники преступления, как и мы».

Фан Синиан лукаво возразил: «Соучастники преступления тоже могут обернуться друг против друга».

Ле Цзявэнь точно знал, что он хочет услышать, но намеренно подразнил его в ответ, притворяясь сожалеющим. «А мы тоже обернемся друг против друга?»

Фан Синиан серьезно покачал головой. «Нет».

Ле Цзявэнь: «Почему?»

Фан Синиан посмотрел в его блестящие темные глаза и медленно сказал: «Без причины».

Его верность Ле Цзявэнь никогда не колебалась.

Хотя ни Ле Цзявэнь, ни Фан Синиан не имели намерения сообщать о происшествии за столовой офицеру учебного лагеря, казалось, что в лагере ничего не ускользало от его внимания.

На следующий день Ле Цзявэнь, Фан Синиан и стажеры-администраторы были вызваны на допрос.

Офицер учебного лагеря сначала допросил стажеров-администраторов об инциденте. Предполагая, что Ле Цзявэнь и Фан Синиан нарушили свое слово и донесли на них, стажеры преуменьшили свои действия, а также преувеличили, как Фан Синиан ударил одного из них, пока тот не выплюнул кровь.

Выслушав их, офицер учебного лагеря слегка нахмурился, но не стал комментировать. Затем он обратился к Фан Синиану, чтобы тот рассказал свою версию.

Фан Синиан ничего не утаил и правдиво рассказал о событиях, за исключением своего истинного мотива, побудившего его нанести удар.

В конце концов, его мысли принадлежали только ему. Даже если офицер учебного лагеря усомнился бы в его словах, он мог бы настаивать, что это была самооборона.

Только после того, как офицер учебного лагеря услышал версию Фан Синиана, его черты лица расслабились. Он строго повернулся к стажерам-администраторам. «Разве вы не знаете, что драки между стажерами строго запрещены в этом лагере?»

Стажеры-администраторы пробормотали: «Мы знаем».

«Тогда вы свободны». Офицер учебного лагеря взял ручку и подписал заранее подготовленное дисциплинарное уведомление, сдвинув его в их сторону.

Стажеры-администраторы с недоверием уставились на уведомление. «Нет, сэр, вы не можете нас исключить. Мы не дрались с Фан Синианом!»

Стандарты учебного лагеря были высокими. Даже имея привилегированное происхождение, они усердно работали, чтобы выделиться и закрепить за собой места. Теперь офицер учебного лагеря без раздумий выгонял их, и они отказывались это принимать.

Офицер учебного лагеря не имел терпения к стажерам, которые не признавали своих действий и продолжали оправдываться. Его тон стал жестче. «Вы точно знаете, что вы сделали!»

Видя, что их исключение окончательно, административные стажеры попытались утянуть Фан Синиана с собой. «Сэр, если мы дрались, то должна быть еще одна сторона. Почему Фан Синиан не исключен?»

Офицер учебного лагеря был полностью разочарован и не хотел тратить на них ни слова.

Но стажеры, теперь неадекватные от шока из-за исключения, знали, что по возвращении домой их ждут ругань родителей и насмешки окружающих. «Теперь мы понимаем — это привилегия, да? Фан Синиан имеет их, а мы — нет. Вот почему нас исключают!»

«Хватит! Вы себя слышите?» Офицер учебного лагеря пресек их беспочвенные обвинения. «Какие привилегии? Здесь нет никаких привилегий. Вы действительно думали, что, раз вы нашли слепое пятно спутника, я не узнаю об этом? Что вы можете исказить правду, как вам вздумается?»

Стажеры-администраторы замолчали.

Офицер учебного лагеря долгое время был их начальником, и его слово имело авторитет — особенно когда каждое его слово было правдой.

Он посмотрел на их лица одно за другим, и в его голосе слышалось глубокое разочарование. «Вы завидуете Фану Синиану за то, что он отлично справляется со всеми курсами. Вы завидуете ему за то, что его вызвали на беседу с императором Макинтошем. Но вы когда-нибудь останавливались, чтобы посмотреть на себя? Вы прогуливаете тренировки, образуете клики, чтобы изгонять других — вы думали, я этого не замечу? Никто из вас не прилагает усилий к тренировкам. Вы думали, что весь мир станет глупее, а вы останетесь прежними?»

Стажеры-администраторы не были глупцами — иначе они бы не попали в лагерь. Услышав это,

все они опустили головы от стыда.

Увидев это, офицер учебного лагеря смягчил тон. «Хотя вы больше не будете стажерами, как только выйдете за эту дверь, я оставлю вам слова, которые могут пригодиться вам в будущем: вы были исключены не из-за привилегий. Вы были исключены из-за самих себя».

«Надеюсь, вы понимаете».

«И если привилегии действительно существовали здесь, как вы утверждаете, то единственная привилегия Фан Синиана — это его преданность тренировкам и потенциал, отраженный в его результатах».

<http://bllate.org/book/14708/1314255>